

The book cover features a stylized, abstract illustration of a face in shades of purple and pink on the left side. The background is a faded, high-angle photograph of a multi-story apartment building with many windows. The text is overlaid on the image.

Аарин Ринг

Селфи.
Игры города

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Аарин Ринг

Селфи. Игры города.

Рассказ про любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37942417
ISBN 9785449344342

Аннотация

Селфи. Игры города. 17-летний Паша и его сестра рок-звезда Марьяна переживают гибель родителей каждый по-своему. Паша решает максимально бездарно провести свою юность и запирается дома. Изображая активную внешнюю деятельность, он снимает на зеленом фоне популярный в сети блог путешественника. Однако, при этом не может выйти даже из подъезда. Марьяна разрывается между гастрольями, любовными трагедиями и необходимостью заботиться о младшем брате. Но на самом деле обоих занимает только любовь.

Селфи. Игры города

Рассказ про любовь

Аарин Ринг

© Аарин Ринг, 2018

ISBN 978-5-4493-4434-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серый свет утра. Утра расплаты. Типовая многоподъездная 16-этажка. Множество оконных ячеек, скрывающих типовые судьбы. Ячейки зажигаются одна за другой. Одна за другой. Одна за... эта почему-то не зажигается. Чёрные шторы едва пропускают свет. Глаза бесцельно бродят по стенам, рот полуоткрыт в расслабленном дыхании. Торопиться некуда. Ещё один антрацитовый день в сером частокле города. Паша раздвигает шторы и смотрит в окно. Снег вылетает из ватного неба белыми хлопьями, раскручивается в воздухе и делает виражи перед его глазами. Паша следит глазами за его поворотами в воздухе. Его ладони будто повторяют полет снежинок, танцуя медленный, непредсказуемый снежный джаз. Паша поворачивает пластиковые ручки и открывает обе половины окна. Ветер врывается в комнату вместе

с обжигающими кожу белыми пулями снега.

Паша садится на пол напротив, но не одевается – он не чувствует холода, поэтому не носит майку и носки. Он ходит по квартире в широком сером спортивном трико. Обнаженный мужской верх кажется ему повседневной эротической частью взрослой жизни. Растительность на его темно-русой голове собрана в пучок. Не потому, что так модно сейчас, просто он давно не стригся, не представлялась такая возможность.

Он смотрит, как снег, новый снег, первый большой снег после затянувшейся чёрной осени, кружит по его маленькой комнате, заполняя её всю. Порхает вокруг бумажной икеевской люстры, разрисованной им три года назад в красно-синюю паутину с глазами – ему нравился человек-паук. Он хотел, чтоб голова паука свисала с его потолка, а из нарисованных глаз шёл бы яркий свет двумя лучами. Теперь пыльная красная голова уже не радовала его, а снег спокойно залетал в её пустые прорезанные в люстре, глазницы. Паша почувствовал холод в своих глазах и внутри своей головы, будто снег залетел не в человека-паука, а в него.

Паша равнодушно смотрит в пустоту перед собой. Внутри его бесцветных глаз идёт снег.

Снег покрывает его вещи, ложится на подоконник, засыпает его школьные тетради на столе. Геометрия – он ненавидит геометрию – она слишком сильно напоминает ему о том, что мир вокруг не идеален, что существуют лучшие

миры, в которые он пока попасть не может. Как связана геометрия и лучшие миры? Объемом и разнообразием координат. Вообще-то, геометрия – его любимый предмет в школе, но именно то, что её ясная, узкая, стройная теория давала ему возможность понимать, как всё вокруг устроено, заставляло его чувствовать себя зажатым в слишком узкие рамки законов, на которые он никак не мог повлиять. Геометрия владеет им, и её невозможно подчинить себе. Он не мог ей этого простить, поэтому он её ненавидел. И сейчас, когда снег упал на грязно-рыжую поверхность его учебника, что-то внутри кольнуло, снежинка долетела до его сердца, и он перевел взгляд.

Снег продолжал хозяйничать в комнате и теперь взялся за старую гитару. Когда-то Паша учился играть на ней, но забросил, забросил главным образом из-за того, что сестра всё равно играла лучше него... и пела.

Пашка подумал, интересно, а если снять снег на зелёном фоне, можно будет потом подложить под него виды города? Наверняка ведь можно... Только зачем? А если сняться на фоне снега на зелёном фоне? «Они поймут, что я здесь... пора возвращаться?». Он поднялся и стал расправлять растянутый почти на всю стену за его стеной зелёный фон. Паша специально закрепил его напротив окна, чтобы не нужно было ставить дополнительный свет, и освещение на видео выглядело естественным.

Стук в дверь.

– Что ты там устроил? Ветер по всей квартире! Холодно! – Сестра.

Паша закрыл окно.

– Ничего.

Стук в дверь.

– Можно к тебе?

– Нет.

– Я сегодня уезжаю.

– Ну и что?

– В Берлин. Тебе что-нибудь привезти?

– Нет.

– Ничего?

Молчание. Паша стоит у окна и смотрит, как снег показывает ему свои повороты, крутит, кружит... Он задёргивает чёрные шторы и ложится на кровать, зарывается лицом в подушку.

«Разве это так плохо? Быть мной. Разве плохо быть мной? – думает он, вращая плечами. – За что Бог так жестоко обошёлся со мной? Почему я должен быть один? Без мамы и папы. Мама умерла. Больно думать. Больно произносить это даже в мыслях. Мамы нет. Этого ведь не может быть. Мама есть всегда, и не может такого быть, чтобы её вдруг не стало, а её не стало. Отца тоже нет. Кому я нужен? И как мне теперь одному? Мне никто не поможет. Мне могло бы быть холодно, но это не так. Я не чувствую. Я никому не нужен. Какие же они безразличные, все эти люди, что ходят

там, снаружи, они думают только о себе. О своих животах, о своих заботах, о своих телах. Как животные. Инстинкты. Животные инстинкты. Но сами по себе они безразличны даже себе, они не нужны себе по большому счету. А при чём тут я? Зачем меня сюда?».

Паша вспомнил, конечно, как к нему в гости пришла Алла, которая ему нравилась уже год. Он любил это воспоминание. И в минуты, когда жалел себя больше всего, доставал его, как нежную сахарную вату, способную утолить несчастье ребёнка.

Она училась в параллельном классе. У Аллы были очень длинные каштановые волосы. Сейчас девчонки почти не носят такие длинные волосы, они стригутся как попало, зло смеются и пьют что-то из железных банок. Паша ни разу не видел её в таких компаниях. Обычно она спешила куда-то мимо. Однажды он почему-то пошёл за ней. Пытаясь её догнать, он разглядел, что некоторые пряди она покрасила в розовый цвет. Это ему очень понравилось. Она обернулась и посмотрела ему прямо в глаза. Он остановился в недоумении.

– Не поможешь мне с этим?

Она держала в руках стопку книг.

– В библиотеку отнести.

– Давай.

Паша взял у неё все книги. Он почувствовал, что преда-

тельски краснеет.

– Как тебя зовут?

– Алла. А я тебя знаю...

– Да?

– Тебя все знают. Ты знаменитость.

– Да нет. Знаменитость – это ты.

Она пошла впереди него с гордым видом. И он разглядывал её тонкую спину и волосы, схваченные в хвост. Так всё и началось.

В тот раз Алла пришла к нему в гости, чтобы подготовить видео-доклад для конкурса чтецов. Она читала текст, а Паша снимал её на свой айфон, установленный на штатив. Он с детства увлекался фото и видеосъёмкой. Когда они закончили, Алла пила чай и то и дело спрашивала, когда придёт его сестра? А он думал – зачем? Ей нужна его сестра, а он? Они все интересуются только его сестрой, чёртовой рок-звездой. Господи, ну за что ты поместил его в одну семью с рок-звездой? Это невыносимо. Вся семья теперь обязана нести бремя этой никому не нужной славы. И Алла... Она интересовалась его сестрой. Не им. Это точно – не им. И сейчас, лежа на кровати, он вновь убеждал себя: «Не мной, не мной, не мой», – гонял эту идею по кругу час за часом, как сумасшедший. «Я так сойду с ума», – в конце концов решил он и сел на кровати с красными от слез глазами.

В тот день перед уходом Алла поцеловала его.

У него это было впервые.

Он возился у штатива. Она прошла мимо него нерешительно, что-то сказала веселое. Посмотрела в экранчик его телефона, и он почувствовал сладкий запах духов. А потом вдруг она оказалась так близко. И он не мог не коснуться её лица. Она только подалась вперед, и он её поцеловал, как будто провалился в неё.

Он обнял её и почувствовал что-то особенное в горле, вспоминал, что он ел, и беспокоился, не узнает ли этого она. Думал, как вкусно пахнут её волосы. И какая она упругая, даже твёрдая под кофтой. Рёбра и там выше её грудь, он никогда не трогал женскую грудь. Только мамину грудь, но этого он почти не помнил. А если он потрогает грудь, она решит, что он пристаёт к ней? Он сосредоточился на её спине и голове, ему хотелось потрогать её волосы, прикоснуться к её лицу. Он погрузился в этот поцелуй, доверчиво, как пьяный, забыв обо всем, о всех их общих знакомых, которые наверняка узнают, будут ржать как кони, и пофиг. Пусть знают: «Я хочу её целовать. Я хочу её. Трахаться с ней. По-настоящему, по-взрослому».

Паша надел наушники и услышал самую грустную песню Radiohead. Он сидел с красными глазами, держал руку в штанах и ещё долго думал о том, что он, наверное, идиот и извращенец, но он так давно испытывал постоянное желание забраться к этой Алле под юбку, что привык к этому, и даже к тому, что считает себя озабоченным неудачником.

Привык и почти не мучился. Однако устал от этого больше всего. Это выматывало его. Он решил, что больше никто не будет использовать его для встреч с его сестрой, не будет использовать его квартиру для вечеринок, когда сестра уезжает. Что он будет искать тех людей, общаться с теми, кому интересен именно он, его судьба, его мысли, его чувства, а не лживых хамелеонов, притворщиков и обманщиков, как сейчас. А лучше, пусть они сами его находят, он будет их ждать здесь.

То, что Алла тогда, после поцелуя, спросила, когда придёт его сестра, взбесило его. Он сказал, что ему срочно нужно куда-то – в магазин, за кефиром, за карандашами. «Пойдём вместе?». Почему он тогда не поверил ей?

Она ушла, унося недоумение на своем волшебном лице. Паша закрыл дверь. Она поцеловала его. Он чувствовал этот поцелуй, глубоко запечатленным на своей душе, этот поцелуй – то, что не смоешь просто так водой, не смоешь мылом и водой, жидким мылом, не ототрешь ацетоном. Его губы, его язык, всё его тело гудело, когда он вспоминал об этом самом нежном прикосновении в его жизни. О, она была прекрасна – так он думал. Она была почти обычная, мягкая, гладкая, нежная, совсем не идеальная на вид, но всё же, прекрасна. Почему он не нужен ей? Она считает его знаменитостью? И только? Почему она такая коварная в таком возрасте? Как она могла так обидеть его? Как он вообще подпустил её так близко? Его рвало на части изнутри: с одной сто-

роны, он знал, что она сейчас – самый близкий человек для него, с другой – боялся, что она лжет и притворяется, чтобы быть рядом со «звёздной» жизнью. В глубине души он знал, что просто считает себя лучше её, но в голове он бушевал от своей ничтожности.

Он решил что-то сделать со своей страницей в фейсбуке. Сначала он вообще хотел удалить свои страницы в соцсетях, чтобы никто не смог узнать, что с ним происходит. Но замешкался и признал, что не может этого сделать – это равносильно смерти. И ему самому было приятно, что о его жизни кто-то что-то знает. Он периодически выкладывал свои фотографии. Он чувствовал себя более живым, когда получал отклик из интернета, хотя бы немножечко лайков, хотя бы от одноклассников. Отклики от незнакомцев радовали его. Они как будто хлопали его по плечу, щёлкая своей мышкой на его фотографии. И тогда он думал, что всё не зря. Не зря он живет.

Он написал в фейсбуке и вконтакте, что уезжает в кругосветное путешествие. План передвижений он будет составлять по ходу, а пока просит всех поделиться воспоминаниями о поездках в другие страны. Под этой новостью появилось много лайков и комментариев. Люди высказывали своё мнение. Кто-то поддерживал, мол, молодец, удачи. Кто-то говорил, что это глупость, кто-то мерил на себя и разочарованно писал, что это бессмысленно. Странно, но Паша не радовался такому большому резонансу. Наоборот, ему было

противно то, что люди так бесцеремонно лезут в его жизнь со своими мнениями и советами. Зачем он и просил делиться? И теперь он был недоволен тем, что заварил всю эту кашу. Хотелось крикнуть – какое вы имеете право такое писать? А они бы ответили – так не выкладывай в сеть ничего, не пиши, не задавай вопросов и не получишь реакцию. Ему было гадко от себя самого. И никакого облегчения. Ни одного лайка от неё.

Зачем я это пишу? Зачем мне их комментарии? Они меня только бесят, бесят, бесят. Так он думал. Мне нужно, чтобы они говорили в школе, что я уехал, когда учителя будут спрашивать. А разговаривать с ними при этом – не обязательно. Решено, Паша решил ни с кем не общаться. В конце концов он всегда может оправдаться тем, что не везде есть сеть.

В мыслях о том, что он теперь наконец-то одинок, и не то, что он никому не нужен, а, наоборот, это ему никто не нужен – он путешествовал по чёрным водам северных морей на льдине своей одинокой кровати. Он упивался своей внезапной свободой. Впереди были безразмерные просторы молодой красивой жизни, и он решил провести их максимально расслабленно и бездарно.

Работать буду потом, а пока оторвусь ото всех, они слишком много от меня хотят, да непонятно чего именно они от меня хотят... Это давит. Так тяжело, когда от тебя чего-то хотят. Это даже невыносимо! Когда человек смотрит на тебя, но не видит тебя, а видит он кого-то совсем другого, на-

пример, себя, и вот он говорит, что любит тебя. Вероятно, он ждёт, что и ты будешь любить его за это, ведь он-то тебя любит. Такой баш на баш. Просто не может быть такого, чтобы ты не любил в ответ! Это трагедия, это нечестно! Ха-ха. Но я не обязан никого любить, даже Марьяну, даже родителей. Каждый ждёт, что я буду себя вести так, как бы он себя с собой повел, самым лучшим способом. Но я не такой, и это им невыносимо. И если так кому-то говоришь, что не любишь, он округляет в ужасе глаза и отпинаывает тебя, заявляя, что ты самый ужасный человек, что он тебе открыл сердце, а ты... Паша сильно разозлился, пока думал всё это. Разозлился и уже ничего не хотел делать вообще. Даже бездарно проводить время, даже валяться. Ему хотелось будто бы вывернуться наизнанку, чтобы унять этот внутренний зуд ничего не хотения. Он понял, что этот зуд и тошнота у него от необходимости оправдывать чужие ожидания, угождать кому-то, входить в рамки чужих стандартов. Паше казалось, что нужно отказаться от всех их стандартов, чтобы понять, что происходит именно с ним. Он остался дома надолго.

Каждый день он совершал преступление – копался в личном компьютере сестры. Рассматривал её фотографии, читал её документы. Вместе с фото лежали видеозаписи из её поездок по миру. Он разглядывал их, как фильм о путешествиях и в какой-то момент до него дошло, что он хочет сделать!

Он нашёл на антресолях мятый зелёный хромакей, оставшийся со съёмок первого клипа Марьяны. Отутюжил его, обжегши два раза левую руку, натянул его на стену напротив окна и поставил на селфи-палку айфон. Нажал на кнопку «гес» и заговорил. Да так складно, что удивился сам себе.

Паша стоял на фоне хромакея и рассказывал о том, как классно там, куда он приехал. Маленький баварский город у подножия альпийских гор, свежий ветер, воздух чистый и он отправляется бродить по местности. После Паша засел за монтажную программу, которую он уже забросил, хотя раньше неплохо монтировал видео. На место зелёного фона за своей спиной он вклеил видео из архива Марьяны. Получалось коряво. Он проклинал комп, монитор, программу... Вскоре первый видео-отчет из путешествия был готов.

По утрам он снимался на селфи-палку в своей комнате, предварительно разметаив волосы по-новому. То в пальто, то в шарфе, то в куртке, то в капюшоне, то в спортивных. Потом сливал видео и фото на жёсткий диск компа, вырезал в фотошопе и тщательно вклеивал в пейзажи разных стран и континентов, которые находил в папках сестры – уж у неё-то путешествия были настоящими. И так мир получал фото и видео отчеты Паши из Германии, Франции, Зимбабве, Чили, США, Великобритании. Он путешествовал даже по Исландии.

Он отключал возможность оставлять комментарии под своими постами, можно было только лайкнуть. И это его

вполне устраивало. Хотите что-то сказать – поставьте лайк, остальное – в топку, пусть все ваши слова сгорают на выходе из ваших ленивых глоток. Почему я такой злой? Я не злой, вы сделали меня таким своей тупостью и неуважением. Других людей нужно уважать. Они дают тебе возможность на них смотреть, вот ты и смотри и уважай. Эх. И ни одного лайка от Аллы. В обиде он хотел её отфрендить, но смелости не хватило. А потом, вдруг она тоже обидится? И не даст больше трогать себя? Но она и так не дает.

Паша уже два месяца «путешествовал» по миру и ни с кем не виделся, он не выходил из дома. Сестра была в гастрольном туре. Она периодически звонила – дела нормально, что тут скажешь. Она звонила, он отвечал. Он ненавидел, когда она звонила ему в школьное время, нужно было выходить на балкон и кричать, как будто он её плохо слышит на улице.

Сестра хорошая, но слишком непутевая. В общем-то, даже молодец она, не лезет к нему в душу... Но... Слишком романтичная. Всё ждёт, когда её кто-нибудь полюбит, а сама влюбляется в эгоистичных животных. Как эти твари могут любить кого-то ещё, если им интересны только они? Марьяна же любит всей собой, всей своей душой и всем, что у неё есть и всем, что есть вокруг неё она любит человека, если уж любит. Он был уверен, что так любить в ответ, как любит Марьяна, её никто не сможет... Только разве что... Нет.

Но на счет Марьяны он не сильно беспокоился, Паша знал,

что у сестры по крайней мере с сексом всё в порядке, в отличие от него. Что она не такое уныло говно, как он. У неё каждые два-три месяца новый любовник и она светится изнутри. Паша же ещё девственник, и жить с этим ему очень трудно. Алла часто снится ему в его горячечных снах. Невозможно избавиться от её тёплого образа. Почему она спрашивала тогда, когда придёт его сестра? Почему? Если бы она не спрашивала, между ними всё могло бы случиться в тот день, и он сейчас был бы нормальным мужчиной, а не загнанной в угол депрессивной крысой. Пацаны в классе всё время рассказывают, с кем у кого было и как. Он знал, что они врут, но сам так врать не умел, да и не хотел. Зачем про это вообще кому-то говорить? Это же как-то... Стыдно.

Паша разглядывал в интернете картины великих художников, его занимало обнаженное тело, он смотрел фильмы и аниме, романтику и хентай, слушал музыку, часами играл на гитаре и сочинял песни, но они были слишком унылыми. Такими унылыми, что ему самому было противно. Часто он не мог петь свои песни из-за их грусти, слишком много печали. И он был рад, что никто не видит, как он плачет. Но в большинстве случаев он пока ещё мог это выдерживать своей юной душой. Он думал, интересно, на сколько его хватит? Насколько его хватит вот так ни с кем не общаться? Бывали дни, когда он ни разу не вставал с кровати, даже поесть и пописать. Он лежал, спал, читал Чака Паланика в полубреду.

Тем временем его блог каким-то чудом становился популярным. Тысячи человек подписывались на него. Он выглядел на экране таким веселым и уверенным в себе, он даже стал открывать некоторые видео для комментариев. И делал записи с ответами на вопросы. Однако момент записи – это был единственный момент диалога с людьми. Только в эти моменты он был во внутреннем режиме «ВКЛ». Как только очередной ролик был готов, Паша сразу падал в «ВЫКЛ».

Приближался Новый Год... Паша чувствовал его, хотя было ещё рано – всего лишь конец ноября. Выпал первый снег. В этом году он был мелкий и злой. Глядя в окно, Паша пытался отыскать внутри чувство радости и восторга. А когда он находил его в дальнем уголке своей души, ему приходилось натягивать его на себя, как слишком узкие джинсы. Радость не поддавалась насилию.

Скоро сестра вернется из тура. Через две недели. Скоро конец полугодия, его выгонят из школы? Нет, не хочется об этом думать. Ему нужно будет срочно симулировать болезнь. Какую? Он продумывал хитроумных план, как это можно сделать. Тропическая лихорадка? Или он просто застрянет где-нибудь в африканских джунглях у аборигенов? У них красивые чёрные женщины... Возможно, это даже лучше болезни.

Но пока, пока у него были эти две недели пустоты и свободы. Он хотел насладиться ими по полной. Может, Алла придёт? Нет, с чего бы она пришла? Ведь он путешествует. Ну

её к чёрту! Я ей не нужен – думал он. А вдруг, ей понравился кто-то другой? У неё такая классная манера одеваться – она носит длинную юбку и розовые кеды, у неё на руках цветные браслеты, эти фенечки на её руках с её ногтями, раскрашенными разноцветным лаком... Это сексуально. Наверняка она уже с кем-то встречается. Он снова почувствовал бесильную злобу, будто стоит у бетонной стены и никак, никак не может её сдвинуть.

Марьяна, 29-летняя сестра Паши, должна вернуться из поездки в плохом настроении. Он понимал это по смскам, которые она писала: отчеты о том, как её приняли в том или ином городе. Содержание было бодрым, слишком бодрым, от этого Паша воспринимал эти сообщения, как очень печальные, потому что он видел – она всё врёт, прячется за позитивом. Или она писала, что публика была доброй и тёплой, но потом они накосорезились всей группой. То есть круто напились. А он знал, что, если Марьяна начинает выпивать – дело труба, плохо дело, всем несдобровать. Это значит, что она совсем злая днем, и только после принятия спиртного может быть доброй с другими людьми или хотя бы терпеть их. Он знал, что на самом деле Марьяна ненавидит людей, как и он, только она умеет филигранно врать. Эта ложь как будто маслом на ней намазана, обращена в тысячи мелких улыбок и оправданий, подарочков и «добрых» слов. Это притягивает других людей. Как они не замечают, что она врёт? От этого ему было противно. Паша считал Марьяну лице-

меркой. А она ещё пыталась учить его жизни! Говорила ему, что такое любовь, рассказывала, как это всё у мужчин и женщин происходит. Сама же встречалась с непонятными мужиками, лишь бы они не знали, кто она такая. В основном с иностранцами. Сердце её было бито – перебито, а она всё равно умудрялась найти в нём живой кусочек, чтобы им в кого-нибудь влюбиться. Влюбиться надолго не получалось. От одного вечера до трёх недель жили её чувства. И каждый раз она была уверена, что это на всю жизнь. Паша попросил её не знакомить его с новым возлюбленным, пока их заявление не будет лежать в загсе. Он думал, что этими мужиками она от чего-то спасается, что она в них ищет кого-то, кому она могла бы служить всей своей жизнью и любовью. Паша думал, что слишком уж она перед ними стелется. И ненавидел их больше остальных людей. Но он знал, что, когда она сбросит кого-то из них с пьедестала, на который вознесла, тому человеку будет очень плохо, даже хуже, чем ей. В тайне он даже сочувствовал её мучителям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.